

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

Весь міръ умолкъ. Чу!... слышны звуки....

То ангелы поютъ съ небесъ,—

Поютъ Того, Кто вынесъ муки,

За насъ былъ распятъ—и воскресъ.

Весь міръ ликуеть.. Что свершилось?

—Велико чудо изъ чудесъ:

Сказаніе пророковъ сбылось—

Спаситель міра то воскресъ!...

Внимая вѣсти этой дивной,

Земля и небо—горы, лѣсъ—

Вторять повсюду ей умильно:

„Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!“

И мы въ душѣ и сердцѣ нашемъ,

Въ отвѣтъ на звуки тѣ небесъ,

Другъ другу съ радостію скажемъ:

„Христосъ во истину воскресъ!“...

З. П. О.

Евангеліе, читаемое на литургіи въ первый день св. Пасхи (Ин. 1, 1—17).

На литургіи въ день св. Пасхи Церковь Христова съ величайшею торжественностью, при колокольномъ звонѣ, оглашаетъ слухъ вѣрующихъ высочайшимъ благовѣстіемъ: Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово и т. д. (Ин. 1, 1—17). Почему же для чтенія въ этотъ день избрано такое Евангеліе, въ которомъ совершенно не упоминается о воскресеніи Господа Иисуса Христа? Мы празднуемъ возстаніе Христово, совершаемъ Пасху Христову, а въ евангельскомъ благовѣстіи св. Церковь говоритъ намъ о предвѣчномъ Словѣ Божіемъ, о предвѣчномъ Его бытіи. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить проникновеніе въ содержаніе этого благовѣстія, которое мы и изложимъ въ краткихъ чертахъ.

1. *Въ началѣ*, которое предшествуетъ началу времени и всего, что во времени, отъ котораго все начинается въ самой вѣчности, но которое никакимъ дальнѣйшимъ началомъ, равно какъ и концемъ, не ограничивается, слѣдовательно, когда не были сотворены ни небо, ни земля, *бѣ Слово*, Которое изрекъ единственно, и вѣчно изрекаетъ или раждаетъ Единный вѣчный Отецъ Слова; Оно есть личное откровеніе Бога, Сынъ Божій Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Онъ былъ совѣченъ Богу Отцу, существовалъ такъ же предвѣчно, какъ и Богъ Отецъ. Слово не началось, такъ чтобы можно было представлять Его нѣкогда не бывшимъ, но въ довременномъ и вѣчномъ началѣ всегда есть и всегда будетъ, поелику Оно присносущно. Но если Слово совѣчно Богу Отцу, то каково Его отношеніе къ Нему? *И Слово бѣ къ Богу*. Оно существовало не только какъ совѣчное Богу Отцу, но пребывало вмѣстѣ съ Нимъ неразлучно и нераздѣльно, въ тѣснѣйшемъ личномъ отно-

шеніи и неразлучномъ единеніи, не погружаясь однако въ Него и не сливаясь, но сохраняя особность Своей Ипостаси. Что касается природы Слова, то Оно не было однимъ изъ числа созданныхъ прежде творенія міра высшихъ духовъ; Оно не было также однимъ изъ существъ только весьма близкихъ къ Богу Отцу: *и Богъ бы Слово*, т. е. имя Бога въ томъ же истинномъ смыслѣ, въ какомъ принадлежитъ Богу Отцу, равномѣрно принадлежитъ и Сыну Божію: Онъ такой же предвѣчный Богъ, какъ и Богъ Отецъ.

2. Бытіе Слова, Сына Божія у Отца не было преходящимъ, и жизнь Отца не предшествуетъ во времени жизни Сына, ибо *Сей бы искони*, отъ вѣчности, *къ Богу*, во внутреннѣйшемъ общеніи съ Нимъ.

3. Будучи личнымъ откровеніемъ Божества, Само Слово изрекло всѣ прочія существа, не именователно къ слышанію и познанію, но существенно къ бытію и благобытію, — *всѣ* — земное и небесное, видимое и невидимое, *Тьма*, Ипостаснымъ Словомъ Божіимъ, *быша*: міръ какъ по формѣ, такъ и по матеріи, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ получилъ бытіе единственно чрезъ Слово. Отецъ — первопричина всего, и Слово — посредствующая и ближайшая причина; но открывая и осуществляя мысль Отца о твореніи міра, Слово есть такой же Творецъ міра, какъ и Богъ Отецъ (ср. Колос. 1, 16), *и безъ Него ничто же бысть*, ничто не получило бытія изъ того, что произошло, *еже бысть*.

4. Слово не только Творецъ, призвавшій все къ бытію, но въ Немъ же заключается и жизнь всего сотвореннаго, ибо *въ Тьмѣ животъ бы* — жизнь безграничная, самобытная, не зависящая ни отъ чего посторонняго, имѣющая въ себѣ животворное начало всего существующаго. Источникъ жизни всего живущаго, Слово является посредникомъ и источникомъ духовной жизни для человѣчества, живущаго

духовною и безсмертною жизнью; истинная жизнь всегда была и есть свѣтомъ для людей: *и животъ бѣ свѣтъ чело-
вѣкомъ*. Господь нашъ Иисусъ Христосъ отъ начала бытія
человѣчества, начиная съ райскаго состоянія его, былъ
тѣмъ источникомъ, изъ котораго оно получало свѣтъ боже-
ственной истины — единственнаго и животворнаго начала ду-
ховной жизни.

5. Не совѣтъ скрылся онъ на землѣ и тогда, когда на
зарѣ жизни челоѣчества его окутала густая тѣма грѣхов-
ности: *и свѣтъ во тѣмъ свѣтится*, свѣтится въ грѣхов-
номъ и невоспріимчивомъ къ истинному свѣту мірѣ. Слово
во всѣ вѣка свѣтило во внутренней жизни людей, въ ихъ
совѣсти, почему даже среди язычниковъ *разумное Божіе
явлѣніе есть* (Рим. 1, 19); свѣтило и внѣшнимъ образомъ
черезъ избранныхъ Своихъ патріарховъ, пророковъ и дру-
гихъ богопросвѣщенныхъ мужей. И хотя міръ почти утра-
тилъ способность къ воспріятію этого свѣта, но тѣма, пок-
рывавшая челоѣчество, не одолѣла и не поглотила его: *и
тѣма его не обзятъ*.

6. И въ послѣдніе дни однимъ изъ такихъ избранныхъ,
просвѣщаемыхъ и наставляемыхъ божественнымъ свѣтомъ,
бысть челоѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ.

7. Сей придетъ во свидѣтельство, да свидѣтельствуемъ
о свѣтъ, да вси вѣру имутъ ему: онъ былъ посланъ для
того, чтобы свидѣтельствовать о высшемъ божественномъ
Свѣтѣ, чтобы приготовить людей къ вѣрѣ въ Него. „Пое-
лику мракъ грѣховъ и ночь невѣрія покрывали весь міръ,
и люди не могли взирать на Солнце правды, то св. Іоаннъ
посланъ былъ напередъ, какъ свѣтильникъ, дабы очи серд-
ца, помраченныя до того, что не могли сносить великаго
истиннаго свѣта, привыкли сперва къ слабому сіянію свѣ-
тильника, и тогда уже радостно и безъ боли взирали на
небесный свѣтъ, пришедшій къ намъ во Христѣ.“

8) Последний представитель Ветхаго Завета и вѣстникъ Новаго въ такой степени имѣлъ въ себѣ сіяніе небеснаго свѣта, что нѣкоторые склоны были вопрошать: не сей ли есть Христосъ; но *не отъ свѣтъ истинный, самобытный, но явился онъ только для того, да свидѣтельствуетъ о свѣтъ.*

9. *Въ свѣтъ истинный, самобытный, вполне осуществляющій въ себѣ идею истиннаго свѣта, иже просвѣщаетъ всякаго человека, грядущаго въ міръ, который при самомъ своемъ рожденіи несетъ въ своей душѣ искру божественнаго свѣта,—свѣта, при которомъ и возможно только духовное развитіе и нравственное возрастаніе человека. Этого внутренняго свѣта не могла совершенно объять тьма грѣховная, какъ ни густа была она.*

10. Участвуя въ твореніи міра и промышленности о немъ, Слово постоянно пребывало въ мірѣ, обнимающемъ все народы; но не смотря на то, что оно *въ мірѣ отъ, и мірѣ Тьмѣ бытъ* — получилъ отъ Него свое бытіе, *міръ, по своему грѣховному омраченію и неспособности воспринимать истинно духовное, Его не позна,* своего Творца и Зидателя.

11. *Восвоя прииде,* — пришелъ Сынъ Божій, Божественное Слово въ Свое собственное обладаніе, къ народу израильскому, по Божественному опредѣленію сдѣлавшемуся Его собственнымъ народомъ, которымъ Онъ издавна руководилъ, просвѣщалъ, наставлялъ и открывался, но *и Своя Его не пріяша,* — народъ въ его цѣломъ отвергъ Божественное Слово, не принявъ Его, не захотѣвъ руководствоваться свѣтомъ Его ученія.

12. Но хотя міръ не позналъ Божественнаго Слова и Свой народъ не принялъ Его, однако и въ мірѣ языческомъ, и въ народѣ избранномъ оказались нѣкоторые, принявшіе Его, увѣровавшіе въ Него, какъ своего Создателя,

и въ Немъ искавшіе своего спасенія; имъ Оно даровало высочайшее изъ всёхъ благъ—право быть чадами Божиими: *Елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его*; въ ихъ власти содѣлаться чадами Божиими чрезъ вѣру въ Слово.

13. До пришествія Слова въ воплощеніи правомъ чадъ Божиихъ пользовался одинъ избранный народъ—израильтяне, ему одному было сказано. *сынове есте Господа Бога вашего* (Втор. XIV, 1). Теперь это право—быть сынами Божиими—Слово дало всёмъ увѣровавшимъ въ Него, безъ всякаго различія: *уже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескיא, но отъ Бога рождающася*,—не по плотскому происхожденію, не потому, что они родились отъ Авраама и потому считаютъ себя особенно и исключительно близкими къ Богу: право физического рожденія теперь потеряло свое значеніе; причастниками Божественной жизни, сынами Божиими дѣлаетъ рожденіе духовное, непостижимое рожденіе отъ Бога.

14. Эти благодатныя слѣдствія явились въ человѣческомъ мірѣ потому, что *Слово плоть бысть*. „Само Божіе Слово, превѣчное, невидимое, непостижимое, безтѣлесное, начало отъ начала, свѣтъ отъ свѣта, источникъ жизни и безсмертія, откровеніе и Слово Отца приходитъ ко Своему образу, носить плоть ради плоти, соединяется съ разумною душою ради моей души, очищая подобное подобнымъ, дѣлается человѣкомъ по всему кромѣ грѣха“ (Григорій Богословъ). Божественное Слово приняло на Себя полное человѣческое естество и потому имѣетъ два естества—Божеское и человѣческое, которыя соединились неслиянно, нераздѣльно въ одномъ Лицѣ Богочеловѣка. Богъ Слово явился не на мгновеніе, какъ являлись Ангелы, но жилъ между людьми—и *вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца*: „мы видѣли славу не пророка, не

Ангела, не Архангела, не горнихъ силъ, не иной какой созданной твари, какова бы она ни была, но видѣли славу Самого Владыки, Самого Царя, Самого истиннаго Единороднаго Сына, Господа всяческихъ. Неприступная слава сія, хотя и была сокрыта подъ покровомъ тѣла, однакожь проявилась въ такой необычайной силѣ и свѣтозарномъ сияніи, какими можетъ блистать только слава Единороднаго отъ Отца, Господа Славы. Видѣхомъ славу Его въ Его жизни, въ Его ученіи, въ Его дѣяніяхъ, въ чудесахъ и знаменіяхъ, которыя наполняли весь путь Его земной жизни, даже въ самыхъ крестныхъ Его страданіяхъ, въ которыхъ явилось не только Его милосердіе и любовь, но и Его неизглаголанная сила, которою сокрушалась клятва, посрамлялись демоны, пригвождалось ко кресту рукописаніе грѣховъ“ (Іоаннъ Златоустъ), наиболѣе же въ Его славномъ воскресеніи. Слово воплотившееся есть Единородный отъ Отца, Такой, Который одинъ былъ полнымъ и истиннымъ образомъ невидимаго Отца, Который не чрезъ усыновленіе, подобно намъ, сдѣлался Сыномъ Божіимъ, но былъ такимъ единственнымъ по самому Своему Божескому существу. Мы видѣли Его *исполнь благодати и истинны*. Онъ явился предъ нами полнымъ благодати и истины, полнымъ той безпредѣльной божественной любви, и милосердія, по которымъ онъ снишелъ на землю для нашего спасенія и нашего усыновленія Богу, полнымъ выраженіемъ того истиннаго божественнаго ученія, которое Онъ принесъ съ Собою на землю. Вся жизнь Его была полна безконечной любви къ роду человѣческому и назиданія его вышею Божественною истиною, въ которой Единородный Сынъ Божій возвѣстилъ намъ всю волю Божию и сообщилъ намъ полнѣйшее вѣдѣніе о Богѣ.

15. Великій ветхозавѣтный пророкъ, который пришелъ приготовить людей къ вѣрѣ въ Него и къ которому Іудеи

питали глубокое уваженіе и вполнѣ довѣряли, *Іоаннъ свидѣтельствоуетъ о Немъ* и предъ всѣмъ народомъ *воззва глаголя: Сей бѣ, егоже рѣхъ, иже по мнѣ грядый, предо мною бысть*: по времени Своего явленія, по Своему чело-вѣческому естеству Онъ идетъ за мною и явится послѣ меня съ проповѣдью Слова Божія и съ Своимъ высокимъ служеніемъ, но по Своему Божественному естеству, даже по Своей просвѣтительной дѣятельности въ чело-вѣческомъ родѣ отъ вѣка, Онъ предшествовалъ мнѣ, *яко первѣ мене бѣ*, ибо Онъ существовалъ прежде меня въ вѣчности.

16. Въ Божественномъ достоинствѣ Лица Иисуса Христа, воплотившагося Слова, кромѣ авторитетнаго свидѣтельства Предтечи, убѣждаетъ каждою изъ насъ и собственный внутренній опытъ: отъ Него, во всей полнотѣ открывшаго безконечное милосердіе и безконечную любовь къ роду чело-вѣческому и во всемъ совершенствѣ принесшаго божественное ученіе, мы приняли новыя блага: *и отъ исполненія Его мы вси прияхомъ и благодать възблагодати*. Мы сдѣлались участниками божественной благодати въ такомъ обиліи и многообразіи ея проявленій, что по — истинѣ въ нашей жизни одна благодать непосредственно слѣдуетъ за другою и смѣняетъ ее.

17. Чтобы еще яснѣ представить себѣ величіе и божественное достоинство Лица и дѣла Иисуса Христа, должно сравнить величайшую полноту откровенія чрезъ воплощеніе Слова съ тѣмъ, что дано въ ветхозавѣтное время: *яко законъ Моисеомъ данъ бысть: благодать же и истина Иисусъ Христомъ бысть*. Откровеніе чрезъ Моисея было откровеніемъ закона, который по самой природѣ дѣла можетъ быть только частнымъ откровеніемъ Бога: заповѣди и запрещенія могутъ только отчасти выражать Его волю и природу, и притомъ же законъ Моисеевъ предписывалъ заповѣди, неудобисполнимыя во всей ихъ полнотѣ, и по-

ражалъ преступника проклятіемъ, не давая ему однакоже силъ для достиженія законной праведности. Во Христъ же послѣдовало личное откровеніе Бога. Теперь тѣни переходятъ, — ихъ мѣсто заступаетъ истина, ибо ее исповѣдалъ Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи. Съ пришествіемъ на землю Іисуса Христа, съ исполненіемъ на Немъ всѣхъ обѣтованій и завѣтовъ, ветхозавѣтный законъ долженъ уступить мѣсто закону новому, благодатному, ибо все, что законъ имѣлъ подобно тѣни. Ясно, открыто пришло въ исполненіе и дѣйствительно совершено Іисусомъ Христомъ, Сыномъ Божіимъ, Который находится въ вѣчномъ и совершенномъ общеніи съ Отцемъ.

Таково содержаніе евангельскаго чтенія на литургіи въ день св. Пасхи. По нему можно судить, почему Богомудрая Наставница наша Святая Церковь на сей день назначила изъ Евангелія это именно чтеніе. Въ немъ исповѣдуются предвѣчное бытіе Сына Божія, Его всегдашнее промышленіе о родѣ человѣческомъ, Его воплощеніе для спасенія людей и дарованіе благодатныхъ средствъ для усвоенія совершеннаго Имъ искупленія. Объ этихъ великихъ Его божественныхъ дѣлахъ благовременнѣе всего напоминать въ день воскресенія Его изъ мертвыхъ, чрезъ которое Онъ открылся какъ Богъ во всей силѣ (Рим. 1, 4). Въ этотъ день прилично начать евангельское благовѣствованіе тѣмъ, что Сынъ Божій, Котораго возстаніе изъ мертвыхъ мы празднуемъ, предвѣчно существовалъ съ Богомъ Отцемъ, неразлучно пребывалъ съ Нимъ прежде вѣковъ и теперь, явившись для нашего спасенія, пострадавши и умерши за насъ какъ человѣкъ, воскресъ какъ предвѣчный Богъ. —

Н. Сагарда.

Подъ Свѣтлый день.

Обычная, каждодневная, будничная жизнь, съ ея удачами и огорченіями, мелкими радостями, и крупнымъ горемъ, мало-по-малу стала утихать и, наконецъ, совсѣмъ утихла. Все къ чему-то готовится, съ трепетомъ ожидаетъ чего-то дивнаго, великаго...

День потухъ-и въ тихомъ небѣ загорѣлась первая звѣздочка, за ней вторая, третья... Скоро тысячи чудныхъ глазъ устремились на землю, какъ бы желая повѣдать ей великую тайну. И теперь особенно ласково, особенно привѣтливо смотрятъ эти чудные глаза. Этотъ привѣтъ и теплоту они безмолвно посылаютъ всѣмъ и каждому, кто только въ состояніи понять ихъ, а въ эту чудную ночь каждый, именно, и настроенъ къ такому пониманію, каждый особенно жаждетъ того и другого...

Да, каждый!... Загляните хотя на минуту въ эту полуразвалившуюся хижину, снизойдите въ преисподнюю, никогда не видѣвшую ни теплоты, ни свѣта Божьяго, посѣтите обездоленныхъ и заключенныхъ-и вы замѣтите, что и тамъ теперь тепло, уютно и свѣтло. Чудные глаза и туда взглянули привѣтливо, и туда послали свою теплоту и ласку. Даже и тамъ каждый, забывая свое обычное горе и нужду, свои душевныя тревоженія, чувствуетъ себя теперь счастливымъ и довольнымъ, каждый настроенъ жизнерадостно.

Вотъ передъ вами труженикъ-бѣднякъ, который, не зная ни отдыха, ни покоя, еще сегодня нелегкимъ трудомъ заработалъ нѣсколько копѣекъ,-и теперь онъ богатъ и счастливъ, такъ какъ и у него есть чѣмъ встрѣтить радостный день. На трудовыя деньги онъ и свѣчку купилъ, и пасху справилъ, и къ Свѣтлому дню обновку приобрѣлъ... Да и много ли ему нужно? Нѣтъ, немного, потому что въ этотъ день каждый по своему богатъ и доволенъ. А вотъ и сов-

сѣмь нищій, которому вы только что удѣлили „ради праздника“ что могли. Вотъ и онъ спѣшитъ купить пасхальный хлѣбъ, чтобы разговѣться имъ, какъ и всѣ люди. И этотъ хлѣбъ онъ завтра вкуситъ съ особымъ благоговѣнїемъ, съ той же радостію и удовольствіемъ, какъ и богатый-своиства, которыя въ такомъ изобилїи уже украшаютъ его пышный столъ.

Но эти признаки наступленія Свѣтлаго, радостнаго дня, это довольство каждаго есть неизбѣжный результатъ того высокаго настроенія души, той чистоты и возвышенности сердца, какія въ это время чувствуются у всѣхъ и каждаго. Если въ эту священную минуту заглянуть въ душу и сердце даже и закоренѣлаго разбойника, убійцы, то и тамъ можно прочесть много возвышенныхъ, свѣтлыхъ строкъ — раскаянія, состраданія и любви къ ближнему; каждый изъ нихъ въ эту минуту общаго просвѣтленія сознаетъ, что и онъ человѣкъ и что остальные — также люди. А взгляните въ душу и сердце обиженнаго и угнетеннаго — и вы замѣтите тамъ жажду примиренія, братской любви и всепрощенія. И ему внутренний голосъ твердитъ: „обними ненавидящаго тебя и обидящаго прости!“ такъ какъ и его душа и сердце жаждутъ насладиться общимъ свѣтлымъ торжествомъ.

И это душевное настроеніе всѣхъ и каждаго, эта сердечная чистота есть какъ-бы подготовленіе къ дивному, великому событію, котораго безъ такого настроенія и постичь не возможно. Это величайшее событіе, праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ, имѣетъ одинаково спасительное значеніе для всѣхъ и каждаго, а потому для встрѣчи его каждый долженъ быть и подготовленъ одинаково, каждый долженъ обладать чистымъ сердцемъ и непорочною душой.

Полночь. Все утихло, ожидая той торжественной минуты,

когда разверзятся небеса и сонмъ ангеловъ въ чудной пѣснѣ возвѣститъ всему міру радостную вѣсть... Наконецъ, настала и эта минута. Среди безмолвной тишины, откуда-то издалека слышатся радостные звуки, какъ-бы отдаленный отголосокъ ангельскаго торжества: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси“... Въ отвѣтъ на ликованіе небесъ, и съ земли слышится восторженный порывъ присоединиться къ ангельскому торжеству: „и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ тебе славити!“ А вотъ уже и совсѣмъ ясно доносятся до насъ чудные звуки свѣтоноснаго ангела: „Днесь спасеніе міру, яко воскресе Христосъ“... Раздалось первое, „Христосъ воскрес!“ и сердце каждаго затрепетало, радостно забилося, каждый обновился душою и сердцемъ. Этотъ ангельскій привѣтъ, посланный всѣмъ и каждому, въ одну минуту облетѣлъ всѣ народы, весь міръ... Съ одинаковой силою онъ раздался и въ царскихъ чертогахъ и палатахъ, и хижинѣ бѣдняка, и въ темницахъ, рудникахъ. Сердце каждаго встрепенулось и душа зажглась огнемъ небснаго восторга при радостной вѣсти: „Христосъ воскрес!“ И, какъ откликъ на этотъ ангельскій привѣтъ, изъ глубины каждой души и каждаго сердца слышится: „Во истину воскрес!“

Да, Онъ, Который перенесъ всѣ не заслуженныя Имъ муки и поруганія, Который былъ распятъ за насъ, — „во истину воскресъ“, — и этимъ самымъ Онъ далъ намъ новую жизнь, обновилъ наши души и сердца. Онъ страдалъ и умеръ, любя насъ, и этимъ, какъ Богъ, показалъ намъ высокой примѣръ Божественной любви и милосердія и, какъ человѣкъ, — примѣръ безропотнаго повиновенія волѣ Божіей и состраданія къ ближнему. Возлюбимъ же и мы другъ друга и простимъ другъ другу, подражая Тому, Кто первый возлюбилъ насъ и простилъ намъ. Пусть радостная вѣсть всегда звучитъ среди насъ, пусть чаще и чаще бу-

дять она наши души и сердца, возвышая наши мысли и чувства надъ той житейской суетою, въ которую часто погружаемся мы. Пусть всепрсвѣтляющее „Христосъ воскрес!“ все глубже и глубже проникаетъ во всѣ уголки необытнаго мира и въ душѣ каждаго встрѣтитъ радостный откликъ: „Во истину воскрес!“...

З. П. Ольскій.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

(Пасхальный разсказъ.)

Село Крутогоровка, какъ и многія села въ Малороссіи, вполне соответствуетъ своему названію. Расположилось оно отчасти на крутой горѣ, но большею частью по взгорью — ближе къ рѣкѣ, такъ какъ здѣсь и скотину есть куда выгнать, и птицу удобно держать. Церковь устроена также на горѣ, на самомъ выступѣ ея. Къ Крутогоровскому приходу приписано 5—6 хуторовъ, которые отстоятъ отъ церкви въ 5 и даже 10 верстахъ, какъ напр. хуторъ Перекати-Поле. Вокругъ села и далеко за селомъ тянется густой вѣковой лѣсъ, большая часть котораго принадлежитъ мѣстному помѣщику Ивану Степановичу Недригайлову и меньшая — обществу.

Иванъ Степановичъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ помѣщиковъ, у которыхъ ни одна пядь земли нигдѣ не заложена и которые ежегодно прилагаютъ талантъ къ таланту. По этому, какъ между сосѣдями — помѣщиками, такъ и еще болѣе — среди простого народа, Недригайловъ славится за человѣка „капитальнаго“, котораго „ни купить, ни продать“ меньше, какъ за полъ — милліона. Живетъ онъ въ хуторѣ Недригайловкѣ, приписанномъ тоже къ Крутогоровскому приходу, — въ 6 верстахъ отъ церкви. Домъ его — также

одинъ изъ тѣхъ немногихъ барскихъ домовъ, которыхъ ужь никакъ нельзя назвать „остатками прежняго величія“, потому что онъ и теперь имѣетъ величественный видъ и въ заустѣннѣ ни разу не приходилъ. Службы у Недригайлова также капитальныя: конюшня, напр., а онъ любитъ лошадей и держитъ дорогія породы, — что твой замокъ.

Уже не разъ подбирались къ его четверкѣ воронныхъ и Бѣтай-Городскіе цыгане, и Екатеринбургскіе евреи, и мѣстные „художники“: испортить, бывало, два—три висячихъ замка, а столько-же „потайныхъ“ остаются еще не тронутыми — и любители прокатиться на чужихъ — такъ и

уходить на своихъ. Подбирались не разъ и къ самому барину. Но у него какое окно ни тронь, какую дверь ни попробуй, а въ домъ не влезешь, потому чуть ли не отъ каждаго окна и отъ каждой двери проведены электрическіе звонки въ его спальню. А въ спальнѣ у него какого только оружія не было — и холоднаго и огнестрѣльнаго: тутъ и ружья всякихъ фабрикъ и системъ, и пистолеты, и револьверы разнаго калибра, и сабли — тупыя и острые, и кинжалы, и шашки и т. п. Правда, до оконъ и дверей его дома еще далеко, такъ какъ у Недригайлова достаточно всякой дворни, но онъ не слишкомъ — то вѣрнѣе и въ дворню. „Чужой воръ и разбойникъ не такъ опасенъ, какъ свой“, говаривалъ Иванъ Степановичъ, когда, по случаю недавняго „присшествия“, кто нибудь повѣствовалъ ему о страшныхъ грабежахъ и разбояхъ.

А мѣстность, окружающая Крутогоровку, дѣйствительно считается далеко не безопасною, благодаря обилію непрогляднаго лѣса, а также множеству крутыхъ горъ и глубокихъ овраговъ. Лѣсъ этотъ давно считается притономъ и бѣжавшихъ арестантовъ, и всякихъ темныхъ личностей, и даже профессиональныхъ разбойниковъ. Но этому не удивительно, что прохожіе и проѣзжіе каждый разъ не безъ

опаски чувствуютъ себя въ этомъ лѣсу. А хуторяне, отправляясь, напр., вечеромъ въ церковь, боятся идти въ одиночку и торопятся изъ лѣсу выйти за — свѣтло; изъ церкви же они возвращаются непременно „гуртомъ“, поджидая другъ друга.

Вотъ и тецерь. Хотя Крутогоровскіе прихожане отлично знали, что о. Спиридонъ начинаетъ „Дѣянiя“ ровно въ 8 часовъ, тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ, особенно жители болѣе отдаленныхъ хуторовъ, торопились въ церковь пораньше, чтобы до солнца пройти дорогу черезъ густой лѣсъ. Въ этотъ день они обыкновенно оставались у церкви до самой заутрени, которую о. Спиридонъ всегда начиналъ ровно въ полночь. Впрочемъ, въ такой день хуторяне и въ церковь могли идти „гуртомъ“, такъ какъ изъ каждой семьи хотя одинъ кто —нибудь непременно долженъ былъ понести пасху святить. И какъ весело было имъ идти въ это время! Бабамъ представлялся удобный случай наговориться въ волю о томъ, какъ у нихъ въ этомъ году удалась пасха, а парни и дѣвки могли пошегодать другъ передъ другомъ праздничными обновками: шапкой, поясомъ, монистами, лентами и даже сапогами и т. п.

Вотъ прошли раньше другихъ жители Перекати — Поле, какъ болѣе отдаленнаго хутора, за ними Березовцы, потомъ Недригайловцы, наконецъ, и ближайшіе къ церкви Подгоряне. И дремучій лѣсъ каждый разъ оглашался сотней веселыхъ и самыхъ разнообразныхъ голосовъ. Видно было, что идущіе въ церковь, послѣ обычныхъ трудовъ и особенно въ послѣдніе дни суеты, радостно настроились для встрѣчи Свѣтлаго Великаго дня. И лѣсъ какъ бы вторилъ имъ, далеко въ глубь отражая ихъ жизнерадостное настроеніе. Они незамѣтно миновали и такъ называемый Хмурый Яръ — самое опасное мѣсто въ лѣсу, которое даже и днемъ было жутко проходить. Это довольно глубокій

оврагъ, поросшій густымъ лѣсомъ: надъ самой дорогой, по обѣимъ сторонамъ ея, нависъ также густой и высокой лѣсъ. Не смотря на то, что деревья не успѣли еще принарядиться по весеннему, въ пяти—шести шагахъ отъ опушки его уже не было ничего видно. Оврагъ этотъ считается „не благополучнымъ“ не только среди мѣстныхъ жителей, но такимъ онъ слыветъ и за нѣскольکو десятковъ верстъ. Кто только слышалъ про Хмурый Яръ, тотъ хорошо знаетъ, какъ часто тамъ бываютъ грабежи и убійства даже среди бѣлаго дня. Еще не такъ давно тамъ ограбили и чуть не убили одного богатаго купца, возвращавшагося съ ярмарки. Поэтому каждый, минуя это мѣсто, не могъ не перекреститься отъ радости, что прошелъ его благополучно и остался живъ. Обѣхать же или обойти оврагъ не было возможности, такъ какъ онъ тянется по обѣ стороны на нѣскольکو верстъ, а лѣсъ—еще дальше.

Уже и стемнѣло. Прошла послѣдняя партія хуторянъ—и въ лѣсу раздался послѣдній отголосокъ ихъ веселаго, жизнерадостнаго настроенія. Когда замерли и послѣдніе звуки, лѣсъ казался еще болѣе глухимъ и мрачнымъ; мертвая тишина царила въ немъ. А Хмурый Яръ представлялъ собою нѣчто невообразимо—страшное; казалось, что въ это время сами деревья—великаны притаились отъ страха. И кто изъ хуторянъ опоздалъ въ церковь, тому, навѣрное, придется сидѣть дома или, въ крайнемъ случаѣ, ждать луны, которая въ этотъ день должна появиться только около полуночи.

Иванъ Степановичъ также намѣревался побывать съ семействомъ на заутренѣ,—тѣмъ болѣе, что о. Спиридонъ въ первый разъ облачится въ новыя серебряныя ризы, пожертвованныя въ церковь Недригайловымъ, именно, къ этому дню. Но ему слѣзшить нечего, такъ какъ на своей тройкѣ онъ быстро проскачитъ какихъ нибудь 6 верстъ

и всегда успѣть прїѣхать во время и застать первое „Христось воскресе“. Да, кстати, къ тому времени и луна взойдетъ, а при лунѣ прокатиться будетъ прїятно и дѣтишкѣ, которыя давно уже жаждутъ слышать „Христось воскресе“ и увидѣть о. Спиридона въ новыхъ блестящихъ ризахъ.

Наконецъ, пора и собираться. Иванъ Степановичъ велѣлъ кучеру Пахому готовить лошадей. — Да смотри, чтобъ все было въ порядкѣ у тебя!... Ты знаешь, сколько теперь съѣдется народу, — чтобъ не ударилъ лицомъ въ грязь... Праздникъ-то какой!... Да и самъ, смотри, прїодѣнься. — не хуже другихъ кучеровъ будь!... — Ого, за мое почтеніе! обрадовался Пахомъ, который и безъ приказанія любилъ приварядиться, особенно, когда предвидѣлся парадный выѣздъ. — А будто я и былъ когда нибудь хуже другихъ кучеровъ? немножко сердито подумалъ Пахомъ.

При этой мысли онъ направился въ кучерскую и первымъ долгомъ сталъ осматривать свой армякъ и шапку. — Ничего, за первый сортъ, — рѣшилъ онъ про себя, осмотрѣвъ то и другое, при чемъ еще разъ — два потеръ суконкой бѣлыя пуговицы армяка и такую же бляху на шапкѣ, хотя бляха и безъ того „сіяла“, такъ какъ баринъ только — что купилъ ему новую шапку. Послѣ этого онъ осмотрѣлъ сбрую — и кое гдѣ почистилъ ее, затѣмъ экипажъ и наконецъ, лошадей. Рѣшивъ опять — таки про себя, что все въ самомъ лучшемъ видѣ, сталъ и запрягать.

Скоро засуетился и барскій домъ. Разбудили и стали одѣвать и тѣхъ двоихъ дѣтишекъ, которыя давно уже обѣщали простоять всю заутреню и потому улеглись спать гораздо раньше обыкновеннаго. Вотъ пробило и 11. Все готово — и дѣтишки въ свѣтлыхъ платьицахъ, какъ херувимчики, съ нетерпѣніемъ ожидали того момента, когда по-

слышится отцовский голосъ: „ѣдемъ!“ Уже и небо стало свѣтлѣть—это луна медленно выплывала изъ—подъ горизонта. Вотъ и Пахомъ, принарядившись лучше даже, чѣмъ приказано, уже доложилъ, что лошади поданы.

Семья Недригайловыхъ усаживалась въ четырехъ-мѣстный щегольской фаэтонъ, запряженный тройкой вороныхъ: Иванъ Степановичъ съ женою усѣлись позади, а двое дѣтей—противъ нихъ, взявши другъ друга подъ руку.

Тронулись. Луна, въ видѣ серпа, все выше и выше поднималась надъ горизонтомъ, охватывая все большую и большую часть пространства своимъ серебристымъ свѣтомъ. Душа Пахома просто радовалась, что его пуговицы такъ сіяли даже при лунномъ свѣтѣ. Дѣтишки приходили въ восторгъ отъ чудно-волшебной картины, развернувшейся передъ ними. Дѣтскому любопытству и вопросамъ не было конца: они обращались поочередно то къ отцу, то къ матери, смотря по тому, кого изъ нихъ въ данномъ вопросѣ считали они болѣе авторитетнымъ. Старые Недригайловы также вели бесѣду о томъ, о другомъ, а когда они подъѣзжали къ собственному лѣсу—не могли налюбоваться имъ. „Капиталь!“ подумалъ Иванъ Степановичъ, измѣряя взглядомъ вышину деревьевъ.—„Роскошь!“ какъ бы отгадывая его мысль, восторгалась супруга

Вотъ они въѣхали и въ самый лѣсъ. Тройка мчалась съ быстротою молніи, какъ бы опасаясь, чтобы ихъ владѣлецъ не опоздалъ застать первое „Христось воскресе“. Да и дѣтишки нарочно просили Пахома „по секрету“, чтобы онъ ѣхалъ поскорѣе, такъ какъ имъ хотѣлось сегодня и быстро прокатиться, и не пропустить, какъ батюшка въ первый разъ скажетъ: „Христось воскресе!“ И Пахомъ, уважая секретную просьбу маленькихъ господъ, еще больше подгонялъ лошадей. Вотъ они подъѣхали уже и къ Хмурому Яру, вотъ—и въ самомъ Яру.... Въ то время, какъ маушки

деревьевъ словно горѣли серебристымъ свѣтомъ, стволы ихъ представляли сплошную темную массу, наводившую тоску и ужасъ. Дѣтишки даже и днемъ чувствуютъ себя жутко, когда подъѣзжаютъ къ этому мѣсту, а теперь — еще больше, такъ какъ они очень много страшнаго слышали о немъ. Они жались еще ближе другъ къ другу.

— Стой, ни съ мѣста!... ясно слышался страшный, могучій голосъ въ лѣсу — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его опушки и шагахъ въ 20 отъ ѣдущихъ. При этомъ слышалась и какая-то возня, словно шла нѣмая борьба между жертвою и нападающимъ.

Всѣ вздрогнули. Дѣтишки какъ-то инстинктивно прильнули къ родителямъ и словно замерли у ихъ колъѣнь. Семья Недригайловыхъ въ эту минуту представляла собою одну сплошную массу... Пахомъ также инстинктивно рванулъ лошадей, которые помчались еще быстрѣе. Иванъ Степановичъ, не смотря на то, что ему не разъ приходилось одному проѣзжать въ такую пору чрезъ это мѣсто и что съ нимъ былъ револьверъ, — теперь также не мало волновался. Если онъ и не выразилъ своего душевнаго волненія, то чтобы еще больше не испугать семью. Стараясь сохранить спокойствіе духа, онъ лишь прикрикнулъ кучеру: „Пошелъ!“ не замѣтивъ, что тотъ и самъ уже рванулъ лошадей и что шибче бѣжать никакъ невозможно. И это „пошелъ“ онъ такъ произнесъ, что какъ будто больше боялся опоздать къ заутренѣ, чѣмъ сколько убѣгалъ отъ опасности. „Стой, ни съ мѣста!“ до тѣхъ поръ звучало въ ихъ ухахъ, пока не показалась и церковь, залитая огнями тысячи свѣчей; тогда и дѣтишки, забывъ страхъ, глубоко вздохнули и радостно смотрѣли по направленію огней. Вотъ раздался и первый звонъ во всѣ колокола — это начинается пасхальная заутреня. Недригайловы перекрестились...

„Что-бы это могло быть?“ недоумѣвалъ Иванъ Степано-

вичь всю дорогу, поглядывая, украдкой отъ семьи, то по сторонамъ, то назадъ,—по направленію къ загадочнымъ звукамъ.

Недригайловы уже и въ церкви. Они подъехали почти во время, такъ какъ о. Спиридонъ уже въ ихъ присутствіи произнесъ: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіи Его“. А вотъ раздалось и радостное „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“. Эти дивные звуки теперь особенно обаятельно дѣйствовали на сердца и души Недригайловыхъ, а эти блестящія ризы особенно ласкали ихъ взоръ. Радостное настроеніе ихъ, гармонирующее съ такимъ же настроеніемъ и всѣхъ прочихъ и вообще съ пасхальной обстановкой, взяло верхъ надъ мыслию: „что бы это могло быть?“ направляемой раньше къ Хмурому Яру.

И только по окончаніи заутрени, Иванъ Степановичъ, оставивъ семью въ церкви, самъ вышелъ къ лошадямъ и разговорился съ Пахомомъ на счетъ таинственнаго „Стои!“

— Ну, какъ ты думаешь, Пахомъ, что бы это могло быть? спрашивалъ Недригайловъ кучера.

— Богъ его святой знаетъ,—отвѣчалъ Пахомъ.

— А не слышалось ли это просто намъ?

— Э, нѣтъ, баринъ!... Я только боялся вамъ доложить, —а мнѣ показалось, когда сказано „стой“, будто что-то звякнуло, какъ ножъ, або топоръ....

— Гм... что-жъ бы тамъ могло быть—и кому сказано это „стой?“ снова подумалъ Недригайловъ, направляясь опять въ церковь.

А „тамъ“ было вотъ что.

Двое приговоренныхъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы пока содержались въ тюрьмѣ. Много они совершили разныхъ преступленій и нѣсколько убійствъ, пока, наконецъ,

не поймали ихъ и не осудили. Вотъ имъ въ одну глухую, темную ночь удалось, при помощи стражника, бѣжать изъ тюрьмы. Скоро они проникли и въ этотъ лѣсъ, гдѣ успѣли уже совершить два—три грабежа, чтобы прежде всего за-
 пасть самой разнообразной одеждой, безъ которой скры-
 ваться долго было невозможно. Въ эту пасхальную ночь
 они также твердо рѣшили сдѣлать нападеніе—и нападеніе
 крупное, такъ какъ въ такую пору вообще больше народа
 ходить и ѣздить черезъ Хмурый Яръ. Вотъ они еще изда-
 лека слышали топотъ и фырканье барскихъ лошадей, ко-
 торыя вотъ-вотъ скоро подѣдутъ къ самому Яру. Вотъ и
 подѣхали... Одинъ изъ разбойниковъ, съ пожемъ въ рукахъ,
 уже направился быстрыми шагами къ ѣдущимъ; лицо его
 приняло уже тотъ ужасный, звѣрскій видъ, когда никакія
 мольбы жертвы не могутъ остановить злодѣйскаго замысла.
 Шагъ—два—три—и жертва готова, добыча въ рукахъ....
 Вслѣдъ за нимъ дѣлалъ такіе же рѣшительные шаги и его
 товарищъ... Вдругъ, совершенно неожиданно, словно съ неба,
 раздался грозный, могучій голосъ идущаго сзади товарища:
 „Стой, ни съ мѣста!“... Опеломленный такой неожидан-
 ностью разбойникъ дрогнулъ, ножъ выпалъ изъ рукъ, лицо
 рѣзко измѣнилось. Недригайловы уже успѣли довольно отъ-
 ѣхать, а потому они и не могли слышать, какъ тотъ же
 голосъ внушительно продолжалъ: „Ты слышишь этотъ звонъ?...
 Ты знаешь, куда они ѣдутъ?... Ты помнишь „Христось
 воскресъ?“... Но товарищъ угрюмо молчалъ, не возражая
 ни слова.

И имъ обоимъ вспомнилось, какъ и они еще давно-давно
 такую самую ночь проводили не здѣсь въ лѣсу, а тамъ—
 вмѣстѣ съ другими; какъ и они тогда жили той самой ра-
 достью, какой теперь живутъ всѣ, кромѣ нихъ; какъ и они
 въ эту самую пору и другимъ говорили „Христось воскресъ!“
 и сами отвѣчали „Во истину воскресъ!“... Теперь же имъ

давно не приходится ни самимъ слышать этого радостнаго привѣта, ни другихъ привѣтствовать имъ... Вотъ и еще раздался трезвонъ... Должно быть—читаютъ Евангеліе... „Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово“... Оба они были грамотные—и обоимъ имъ припомнились начальныя слова пасхальнаго Евангелія. Припомнились и еще многія мѣста изъ сегодняшняго богослуженія, которыя такъ обяательно дѣйствовали когда—то на ихъ души и сердца и которыя располагали ихъ и прощать обиды другимъ, и просить прощенія у другихъ... Слезы показались на ихъ до сихъ поръ страшныхъ глазахъ—и имъ чудилось, что и до нихъ доносятся эти дивныя звуки пасхальнаго пѣснопѣнія и троекратныя поцѣлуй христосующихся..

— Христось, видно, и для насъ воскресъ, товарищъ! обратился одинъ разбойникъ къ другому.

— Во истину воскресъ! отвѣтилъ тотъ.

Они обнялись и горько рыдали... И тотъ самый лѣсъ, который до сихъ поръ прикрывалъ ихъ злодѣйскіе помыслы, та темнота и глушь, которыя до сихъ поръ скрывали ихъ отъ Божьяго свѣта, теперь, казалось, сами твердили имъ: „Воскресенія день, просвѣтимся, люди“...

Обѣдно о. Спиридонъ, по обыкновенію, окончилъ весьма рано: къ тремъ часамъ уже и пасхи были освящены. Народъ сталъ суетиться, завертывая „свячене“ и собираясь домой. Вотъ хуторяне уже скликаются „въ гурть“ чтобъ всѣмъ вмѣстѣ двигаться „до хутора“... Ивану Степановичу нечего было ожидать конца, такъ какъ его пасхи были освящены о. Спиридономъ еще на канувѣ. Онъ только обошелъ съ семействомъ разъ вокругъ церкви, такъ какъ дѣтишкамъ хотѣлось посмотрѣть крестьянскія пасхи, и затѣмъ покотилъ домой. Прѣзжая мимо того лѣса, гдѣ слышалось ужасное „стой, ни съ мѣста“! Недригайловы наострили уши и глаза, при чемъ дѣтишки еще тѣснѣе жались другъ къ

другу и къ родителямъ, а Иванъ Степановичъ, для ободренія семьи, произнесъ: „Не бойтесь“!... Но на этотъ разъ въ лѣсу было совершенно тихо, ничто даже не шелохнулось. И лѣсъ теперь казался совсѣмъ инымъ... Онъ не только не наводилъ теперь ужаса и тоски, а наоборотъ, казалось, гармонировалъ съ тѣмъ радостнымъ настроеніемъ, въ какомъ были пробъжающіе. Даже, какъ будто, вмѣсто загадочнаго „стой, ни съ мѣста“! слышалось теперь пріятливое „Во истину воскресе“!... Настроеніе Недригайловыхъ, съ которымъ они отправились изъ церкви, не было нарушено, — и они благополучно прибыли домой, гдѣ ихъ давно уже ожидали съ нетерпѣніемъ остальные домочадцы. Пошли пасхальныя пріятствія и радостныя поцѣлуи... Затѣмъ всѣ вмѣстѣ начали разговляться.

И только по временамъ у Недригайлова проявлялось любопытство: „что бы это могло быть“?...

Не скоро послѣ Недригайловыхъ проходили черезъ лѣсъ и хуторяне. Теперь партіи ихъ еще болѣе увеличились, такъ какъ къ обитателямъ одного хутора присоединялись другіе, радуясь встрѣчѣ и полной возможности наговориться за дорогу. Ихъ веселое, праздничное настроеніе теперь еще больше оглашало воздухъ и на этотъ разъ какъ будто и изъ глубины лѣса слышался пріятливый откликъ на ихъ веселье. Даже и Хмурый Яръ казался имъ уже не такимъ мрачнымъ и опаснымъ, какъ нѣсколько времени тому назадъ. Да и въ самомъ Яру не было имъ страшно, какъ будто и онъ настроенъ теперь на праздничный ладъ...

— Нѣтъ, ты одинъ пойдѣ! Вмѣстѣ мы можемъ перепугать ихъ... Ты тогда спѣшилъ съ ножомъ, а теперь позпѣши съ сумой... Скорѣй же, а то пройдутъ! убѣждалъ теперь въ полъ-голоса одинъ лѣсной обитатель другого.

И тотъ самый разбойникъ, который 4 часа тому назадъ спѣшилъ на дорогу съ ножомъ, теперь принялъ совсѣмъ

другой видъ, переодѣвшись нищимъ. Правда, и теперь онъ направляется къ той же дорогѣ, но уже не съ ножомъ, а съ сумою, и товарищъ не останавливаетъ уже его грознымъ „стой; ни смѣста“! а наоборотъ торопитъ идти поскорѣе... Вотъ онъ уже и надорогѣ, по которой скоро пройдетъ одна партія хуторянъ, другая, третья..

— Хрыстось воскресъ, добри люды! обратился онъ къ первой партіи, прилаживаясь къ мѣстному языку.

— Во истину воскресъ! слышалось въ отвѣтъ нѣсколько болѣе смѣлыхъ голосовъ въ то время, какъ другіе хуторяне или убѣгали съ испугомъ впередъ, или пятились назадъ, или направлялись въ противоположенную сторону дороги. При этомъ между бабами слышалось даже и пронижительное „ай“!

— Не бійтесь!... И я такой же человекъ, якъ и вы, и для мене сегодня такой же праздникъ, якъ и для васъ, и и мнѣ однаково хочется розговориться, якъ и вамъ.— Подайте, добри люди, що у кого есть...

— Богъ дастъ! слышалось съ разныхъ сторонъ.

Но это обычное „Богъ дастъ“! было отвѣтомъ не потому, что въ такой радостный день хуторяне пожалѣли нищему пирога, „пысанки“, сала и прочаго, что теперь въ такомъ изобиліи было у многихъ изъ нихъ, а единственно потому, что они боялись близко подойти къ этому незнакомцу, да еще въ такомъ мѣстѣ.

-- Дайте, рады самого Хрыста, и мнѣ розговориться, якъ люды! умолялъ прохожихъ нищій.

Одинъ изъ пожилыхъ и болѣе смѣлыхъ хуторянъ сжался надъ нищимъ, подошелъ къ нему и далъ пирогъ и „пысанку“; тогда его примѣру послѣдовали безбоязненно и другіе—и скоро наполнилась вся „торба“ нишаго: тамъ были и пироги, и „пысанки“, и сало, и кусокъ колбасы, а кто-то даже далъ и маленькую пасху. Онъ отвѣшивалъ

каждому низкій поклонъ и благодариль за подаяніе. Когда прошла и послѣдняя партія хуторянъ, онъ ушелъ въ глубь лѣса къ своему товарищу.

— И мы съ Свѣтлымъ праздникомъ, и у насъ есть святая пасха! воскликнулъ онъ радостно, приближаясь къ товарищу.

— Теперь знай, почему я остановилъ тебя, когда ты шелъ съ пожемъ на дорогу!...

— Знаю, знаю,—поспѣшилъ отвѣтить тотъ.

„Нищія“ расположились теперь не въ томъ самомъ притонѣ, откуда дѣлали они свои нападеныя, а выбрали другое болѣе чистое мѣстечко; здѣсь они разложили только — что собранное подаяніе и стали разговляться.

— Теперь и мы люди! покрестился одинъ изъ нихъ по направленію церкви, приступая къ пасхальной трапезѣ.

— Слава Богу и добрымъ людямъ! отвѣтилъ другой.

Давно уже они не чувствовали такого душевнаго спокойствія, какъ теперь, и давно они не ѣли съ такимъ наслажденіемъ, какъ сегодня...

— А скажи, товарищъ, по правдѣ: много ты на своемъ вѣку погубилъ такихъ добрыхъ христіанскихъ душъ, какъ тѣ, что насъ теперь накормили?

— Не говори... Не омрачай сегодняшняго торжества... Съ этихъ поръ ни одна душа не погибнетъ отъ моихъ рукъ.

— А есть и пить — нужно будетъ?...

— Сегодня мы сыты больше, чѣмъ когда —нибудь, — и наши руки не осквернились, какъ прежде.

— Правда, товарищъ, правда!...

Солнце взошло — и его лучи, казалось, готовы проникнуть и въ эту гущину лѣса, куда они раньше не заглядывали.

вали. Вот оно привѣтливо взглянуло и на этихъ разбойниковъ—нищихъ—и на ихъ лицахъ, вполне ясно теперь отражались слѣды „пробужденія“...

И. Трипольскій.

Четвертое чтеніе Полтавскаго отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества.

Въ воскресенье, 26 марта, въ Каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ состоялось четвертое чтеніе Полтавскаго отдѣленія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Въ 3¹/₂ часа пополудни, въ присутствіи множества молящихся, началось молебное пѣніе съ акаѳистомъ Успенію Божіей Матери, совершенное Преосвященнымъ Гедеономъ, Епископомъ Прилукскимъ въ сослуженіи съ каѳедральнымъ протоіереемъ о. Ѡ. Лазурскимъ, смотрителемъ духовнаго училища, протоіереемъ о. Г. Лисовскимъ, соборнымъ священникомъ о. В. Щитинскимъ и др. Пѣль хоръ воспитанниковъ мужскаго духовнаго училища подъ управленіемъ учителя пѣнія о. діакона Соколова. Пѣніе было вполне стройное и благоговѣйное. Въ соборѣ были и воспитанницы епархіальнаго женскаго училища. Во время чтенія акаѳиста въ соборъ прибылъ Преосвященный Иларіонъ, Епископъ Полтавскій и Переяславскій. По окончаніи акаѳиста Преосвященный Иларіонъ, обратившись къ народу, въ краткихъ словахъ указалъ предметъ настоящаго чтенія, которое вслѣдъ затѣмъ и было предложено преподавателемъ семинаріи Н. П. Троицкимъ на тему: Русское паломничество и Императорское Православное Палестинское Общество. Въ краткихъ чертахъ содержаніе чтенія слѣдующее:

Императорское Православное Палестинское Общество—учрежденіе сравнительно недавно,—оно открыто только 21

мая 1882 г. Учреждение его не случайное или искусственное: оно является удовлетворениемъ религіозной потребности, возникшей въ русскомъ народѣ одновременно съ принятиемъ Христовой вѣры. Св. земля съ тѣхъ поръ сдѣлалась для него какъ бы духовной родиной. Съ ней,—ея исторіей, русскій человѣкъ болѣе или менѣе подробно знакомится еще въ раннемъ дѣтствѣ, и представленія о ней запечатлѣваются въ душѣ его и остаются въ ней на всю жизнь. На ихъ основѣ въ душѣ русскаго человѣка возникаетъ и растетъ стремленіе къ св. землѣ, жажда видѣть ее, поклониться ей святынямъ и у св. гроба Господня вымолить себѣ прощенье грѣховъ. Посѣщеніе св. мѣстъ Палестины всегда было въ сознаниі русскаго человѣка высшимъ подвигомъ жизни и, сопровождаясь высокимъ подъемомъ религіознаго чувства, сказывается могущественнѣйшимъ дѣйствіемъ на всю послѣдующую жизнь человѣка. „Никакими словами, говоритъ одинъ паломникъ, нельзя выразить тѣ чувства, которыя наполняютъ сердце русскаго богомольца при видѣ св. града и его святынь“... „Кто терзается сомнѣніемъ“, „продолжаетъ онъ: „и уязвленъ маловѣріемъ, да посѣщитъ тотъ къ св. мѣсту, и Господь изъ источника чистаго напоитъ его силою вѣры и ниспошлетъ благоволеніе вѣчное отъ Сіона“. И дѣйствительно, высокія и святыя чувства, пережитыя въ Палестинѣ, добытыя труднымъ путешествіемъ, рядомъ всевозможныхъ лишеній, останутся до самаго гроба вѣчно юными, неизмѣннымъ утѣшеніемъ въ скорбяхъ, могучимъ средствомъ подъема религіознаго настроенія. Нечего и говорить, сколько духовнаго добра принесетъ паломникъ своимъ односельчанамъ разказами о св. землѣ, объ Іерусалимѣ, Голгофѣ и другихъ св. мѣстахъ!

Будучи такимъ образомъ удовлетворениемъ религіознаго чувства русскаго человѣка, будучи подвигомъ „живымъ“, паломничество было и живуче всегда и при всѣхъ условіяхъ

жизни русскаго народа. Русское паломничество проходить черезъ всю исторію христіанской Россіи. Древне-русскій духовный стихъ „о сорока каликахъ со каликою“ отмѣчаетъ фактъ русскаго паломничества въ Палестину еще въ эпоху равноапостольнаго великаго князя Владиміра. Кіево-печерскій патерикъ говоритъ о русскихъ паломникахъ, которые на вопросъ: откуда вы? отвѣчали: „отъ св. града Іерусалима есмь,“ и еще Богъ соизволить, вспять хожемъ идти“. Въ началѣ XII вѣка совершаетъ путешествіе въ Іерусалимъ русскій игуменъ Даніилъ; къ нѣскольکو болѣе позднему времени относится паломничество св. Евфросиніи, княжны Полоцкой“ и т. д.

Главнымъ богомольцемъ за Русь предъ св. гробомъ Господнимъ является нашъ простой народъ. Съ посохомъ въ рукахъ, съ котомкою за плечами, проходитъ онъ сотни миль, направляясь въ невѣдомыя страны, претерпѣвая всевозможныя бѣдствія и лишенія, встрѣчая нерѣдко смерть отъ изнуренія или отъ руки невѣрныхъ. Паломническіе труды простого русскаго народа, его необычайная выносливость, приводятъ въ изумленіе европейцевъ. Это доказываетъ, какъ сильно, непреодолимо въ русскомъ народѣ стремленіе къ св. землѣ. Удовлетвореніе этой потребности, именно—облегченіе трудовъ русскихъ паломниковъ въ св. землю и составляетъ, какъ увидимъ ниже, одну изъ главныхъ задачъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Первымъ шагомъ Россіи къ обоснованію въ св. землѣ было учрежденіе въ Іерусалимѣ русской духовной миссіи „въ 1847 г. Въ 1858 г. учреждено было въ Іерусалимѣ русское консульство. Этими двумя учрежденіями былъ устраненъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ русскаго паломничества въ Палестинѣ, именно—недостатокъ покровительства въ св. мѣстахъ національной—духовной и гражданской властей. Въ 1860 г. Высочайше учреждена была Палестинская ком-

миссія, спеціальною задачею которой было облегченіе матеріальныхъ нуждъ русскихъ паломниковъ, и которую устроены были первыя русскія подворья въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ. Наконецъ, 21 мая 1882 г. было открыто Палестинское Православное Общество. Палестинское Общество возникло по почину великаго князя Сергія Александровича, который въ 1881 г. самъ посѣтилъ св. землю и во очю увидѣлъ безотрадное положеніе православія въ Палестинѣ. 24 марта 1889 г. Православному Палестинскому Обществу повелѣно было именоваться „Императорскимъ“. Наконецъ, съ 1893 г. Общество, не ограничиваясь однимъ только центральнымъ учрежденіемъ въ Петербургѣ, начало открывать епархіальные свои отдѣлы и расиросранять свою дѣятельность по всей Россіи. Таковой отдѣлъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества въ маѣ 1899 г. былъ открытъ и у насъ въ Полтавѣ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того, что сдѣлало и дѣлаетъ Палестинское Общество для выполненія положенныхъ въ основу его высокихъ задачъ. Оно, какъ видно изъ его устава, преслѣдуетъ три главныя цѣли: 1) облегченіе православнымъ паломникамъ путешествія въ Палестину, и попеченіе о нихъ въ самой Палестинѣ 2) поддержаніе православія въ св. землѣ и защита его отъ инославной пропаганды и 3) ознакомленіе русскихъ съ прошедшимъ и настоящимъ св. земли. Въ настоящемъ чтеніи ограничимся краткимъ обзоромъ дѣятельности Общества, направленной къ достиженію первой цѣли.

Число русскихъ паломниковъ въ Палестину постоянно увеличивается и въ настоящее время достигаетъ до 6 т. человекъ ежегодно. Паломниками въ св. землю являються главнымъ образомъ люди пожилые, бѣдняки, скопившіе тяжельмъ трудомъ нѣсколько десятковъ рублей на желанное путешествіе. Понятно, что эти богомольцы за Русь православную предъ

св. гробомъ, по безпомощности своего положенія, вполнѣ заслуживаютъ заботу о нихъ; и Православное Палестинское Общество дѣлаетъ все возможное для облегченія ихъ тяжелаго путешествія. Прежде всего Общество позаботилось объ удешевленія пути въ Іерусалимъ. Съ этою цѣлью оно вошло въ соглашеніе съ пароходными и желѣзно-дорожными обществами и добилось того, что плата за проѣздъ, напр. изъ Кіева до Іерусалима и обратно стоитъ всего 38 р. Кромѣ этого, Общество постаралось самое путешествіе сдѣлать болѣе легкимъ и обставить его нѣкоторыми удобствами. Ранѣе, начальство пароходовъ, на которыхъ ѣдутъ паломники, относилось къ нимъ очень небрежно и даже недружелюбно, — отводило, напр. имъ худшія мѣста; въ Константинополѣ бѣдныхъ паломниковъ просто обирали при выправкѣ турецкаго паспорта; въ Яффѣ, при высадкѣ съ парахода на лодки, паломниковъ часто прямо сбрасывали съ палубы и причиняли увѣчья и т. п. Всѣ эти злоупотребленія, благодаря старанію Палестинскаго Общества, были уничтожены. Исполненіе въ разныхъ мѣстахъ различныхъ таможенныхъ формальностей Общество возложило на особыхъ уполномоченныхъ отъ него лицъ.

Еще большею заботливостью Палестинское Общество окружило паломниковъ въ св. землѣ и особенно—въ Іерусалимѣ. Площадь русскаго подворья здѣсь занимаетъ собою 7½ дес. До принятія его Палестинскимъ Обществомъ, дворъ находился въ совершенно запущенномъ видѣ. Особенно чувствовался здѣсь недостатокъ въ хорошей водѣ. Общество очистило прежній грязный прудъ, исправило его, покрыло сводами, и такимъ образомъ устроило обширную крытую цистерну. Далѣе, Общество произвело капитальный ремонтъ больницы и подворья, которыя разширены, снабжены печами и хорошей вентиляціей. Прежнія деревянныя нары уничтожены и замѣнены желѣзными кроватями. Въ новомъ

подворья въ Иерусалимѣ устроены Обществомъ помѣщенія для дешевой столовой, хлѣбопекарни, баня и лавка, въ которой продаются по умѣренной цѣнѣ съѣстные припасы, выписываемые непосредственно изъ Россіи. При подворьяхъ нѣтъ больницы, въ которой паломникамъ подается безплатная медицинская помощь. Давая дешевое и удобное помѣщеніе, Общество позаботилось и о продовольствіи паломниковъ. Главная забота его, какъ и слѣдовало ожидать, обращена на простыхъ паломниковъ. Эти послѣдніе могутъ обѣдать въ общей дешевой столовой Общества, которое за 8 коп. даетъ обѣдъ изъ двухъ блюдъ и хлѣба, кто сколько хочетъ. Заботясь о матеріальномъ обезпеченіи паломниковъ, Общество не забываетъ и духовныхъ ихъ нуждъ и энергично содѣйствуетъ имъ въ достиженіи ихъ цѣлей. Для удовлетворенія ихъ, Общество устраиваетъ духовноназидательныя чтенія.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе чтенія о дѣятельности Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества на пользу русскихъ паломниковъ въ св. землѣ.

Чтеніе закончилось около 5 час.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Храмъ Воскресенія въ память Царя-Освободителя. — Разсказъ англійскаго адмирала. — О пастырскомъ покое. — Паломничество воспитанниковъ Самарской семинаріи.

Храмъ Воскресенія въ память Царя-Освободителя Александра II. Приемъ художественныхъ работъ въ храмъ Воскресенія въ память Царя-Освободителя Александра II состоялся на дняхъ. Храмъ постепенно открывается отъ лѣсовъ, и можно видѣть уже главный куполь и часть мозаикъ на фронтонахъ храма. Постройка этого грандіознѣйшаго

храма затянута, вследствие сложной работы по набору и укреплению мозаики, особенно на вогнутых поверхностях. Изъ наружныхъ образовъ храма особенное вниманіе обращаютъ, по словамъ „Правительственнаго Вѣстника“, на фронтоны: на западной части по эскизу профессора Кошелева—образъ Христа, сидящаго на тронѣ, на блестящемъ золотомъ мозаичномъ фонѣ, окруженнаго сонмомъ серафимовъ и херувимовъ съ предстоящими св. Николаемъ Мурликійскимъ и Александромъ Невскимъ; съ восточной стороны работа Нестерова—Воскресеніе Христово; надъ сѣвернымъ входомъ образъ Нерукотвореннаго Спаса, поддерживаемый ангелами, а по бокамъ, ниже немного, Богоматерь и Св. Іоаннъ Богословъ; въ находящемся-же между этими изображеніями окнѣ предполагается образъ Спасителя, исполненный на стеклѣ. Южная сторона храма вся закрыта; только на верхней части стѣны алтаря открыты образа св. апостоловъ. Изъ мозаиковъ, назначенныхъ для внутренняго украшенія храма, многіе уже поставлены на мѣсто. Въ главномъ куполѣ храма образъ Іисуса Христа съ книгой. Этотъ образъ занимаетъ весь куполь, при чемъ переходъ изъ вогнутой поверхности къ стѣнамъ занятъ серафимами, составляющими какъ-бы раму для середины. Размѣръ головы Спасителя—около 2 саж.; по этому можно судить о величинѣ всей картины; конечно, такія пропорціи рассчитаны на высоту. Въ поясѣ купола поставлены уже образа, а также готовы къ постановкѣ на парусахъ св. евангелисты. („Кіевл.“)

Разсказъ англійскаго адмирала. Разсказы людей, потерявшихъ временно всѣ признаки жизни и потомъ возвращенныхъ къ ней, о томъ, что они испытывали въ своей душѣ въ этомъ состояніи между жизнью и смертію, безъ сомнѣнія имѣютъ для насъ сильнѣйшій интересъ: они не только проливаютъ свѣтъ на тайны нашего бытія за гробомъ, но и подтверждаютъ откровенное христіанское ученіе о томъ, что произойдетъ съ каждымъ изъ насъ въ то время,

когда мы предстанемъ предъ Господомъ Иисусомъ Христомъ въ день всеобщаго воскресенія и страшнаго суда.

Одинъ изъ такихъ разказовъ, вообще очень рѣдкихъ, представляетъ разказъ англійскаго адмирала Бьюфорта, который въ молодости опрокинулся съ лодкой въ море и, неумѣя плавать, пошелъ ко дну. Онъ былъ вытасченъ изъ воды и возвращенъ къ жизни. Впослѣдствіи, по убѣжденію доктора Волластона, онъ записалъ исторію своихъ душевныхъ ощущеній съ того момента, когда онъ упалъ въ море. Вотъ этотъ разказъ.

„Обстоятельства крушенія и паденія я (говорить адмиралъ) передаю или по смутному воспоминанію, или по разказамъ свидѣтелей, самъ утопающій въ первую минуту весь поглощенъ ощущеніемъ своей гибели и бореніемъ между надеждою и отчаяніемъ. Но что потомъ послѣдовало, о томъ могу свидѣтельствовать съ полнѣйшимъ сознаніемъ: въ духѣ моемъ совершился въ эту минуту внезапный и столь чрезвычайный переворотъ, что всѣ его обстоятельства остаются донинѣ такъ свѣжи и живы въ моей памяти, какъ бы вчера со мною случились.

„Съ того момента, какъ прекратилось во мнѣ всякое движеніе (что было, полагаю, послѣдствіемъ удушенія), тихое ощущеніе совершеннаго спокойствія смѣнило собою всѣ прежнія мятежныя ощущенія. Можно, пожалуй, назвать это состояніе состояніемъ адатіи; но тутъ не было тупой покорности передъ судьбою, потому что не было тутъ ни малѣйшаго страданія; не было и ни малѣйшей мысли ни о гибели, ни о возможности спасенія. Напротивъ, ощущеніе было скорѣе пріятное, — нѣчто въ родѣ того тупого, но удовлетвореннаго состоянія, которое бываетъ предъ сномъ послѣ сильной усталости. Чувства мои были такимъ образомъ притушены, но съ духомъ произошло нѣчто совсѣмъ противоположное. Дѣятельность духа оживилась въ мѣрѣ, превышающей всякое описаніе. Мысли стали возникать за мыслями съ такою быстротою, которую не только описать,

но и постигнуть не можетъ никто, если самъ не испыталъ подобнаго состоянія. Теченіе этихъ мыслей я могу и теперь въ значительной мѣрѣ прослѣдить, начиная съ самаго событія, только что случившагося:—неловкость, бывшая причиною его, смятеніе, которое произошло отъ него (я видѣлъ, какъ двое спрыгнули вслѣдъ за мною съ борта), дѣйствіе, которое оно должно было произвести на моего нѣжнаго отца, объявленіе ужасной вѣсти всему семейству,—тысяча другихъ обстоятельствъ тѣсно связанныхъ съ домашнею моею жизнію,—вотъ изъ чего состоялъ первый рядъ моихъ мыслей. Затѣмъ кругъ этихъ мыслей сталъ расширяться далѣе: явилось послѣднее наше плаваніе, первое плаваніе со случившимся крушеніемъ, школьная моя жизнь, мои успѣхи, всѣ ошибки, глупости, шалости, всѣ мелкія приключенія и затѣи того времени,—и такъ дальше назадъ,—всякій случай въ моей жизни проходилъ въ моемъ воспоминаніи въ поступательно обратномъ порядкѣ, и не въ общемъ очертаніи, но во всѣхъ мельчайшихъ чертахъ и подробностяхъ. Словомъ сказать—вся исторія моей жизни проходила передъ мною точно въ панорамѣ, и (что особенно важно) каждое въ ней со мною событіе соединялось съ сознаніемъ правды или неправды, или съ мыслию о причинахъ его и послѣдствіяхъ. Удивительно, даже самые мелкіе, ничтожные факты, давнымъ давно позабытые,—всѣ почти воскресли въ моемъ воображеніи,—и притомъ такъ знакомо и живо, какъ бы недавно случились“.

Къ этому въ высшей степени интересному своему разсказу адмиралъ Бьюфортъ присоединяетъ и свои мысли. Все это (говоритъ онъ) не указываетъ ли на безграничную силу нашей памяти, не пророчитъ ли, что мы со всею полнотою этой силы проснемся въ иномъ мірѣ, принуждены будемъ созерцать нашу прошедшую жизнь во всей полнотѣ ея? И съ другой стороны, все это не оправдываетъ ли вѣру, что смерть есть только измѣненіе нашего бытія, въ которомъ, стало быть, нѣтъ дѣйствительнаго промежутка или пере-

рыва. Какъ бы то ни было, замѣчательно въ высшей степени одно обстоятельство, — что безчисленныя мысли и представленія, промелькнувшія у меня въ душѣ, всѣ до одного были обращены въ прошедшее. Я былъ погруженъ весь въ прошедшее. Сколько времени у меня было занято этимъ потокомъ мыслей, или, лучше сказать, въ какую долю времени всѣ онѣ были втиснуты, не могу теперь опредѣлить въ точности; но, безъ сомнѣнія, не прошло и двухъ минутъ съ момента удушенья моего до той минуты, когда меня вытащили изъ воды“.

(Тобольск. Вѣст.).

О пастырскомъ посохѣ. Посохъ, или жезлъ, издревле считается знакомъ власти, палицею славною (Иерем. 48, 17; Иезек. 19, 11). При рукоположеніи архіерея и при возведеніи въ чины архимандрита и игумена имъ дается жезлъ съ нѣкоторою торжественностію. Послѣднимъ архіерей, вручая его, говорить: „Прими сей жезлъ, имже утверждеи паству твою, да правиши: яко и слово имаши отдати за ю, нашему Богу, во дни суда“. Въ архипастырскомъ поученіи, положенномъ на этотъ случай, съ большею ясностію излагаются пастырскія обязанности: „Врученную тебѣ, — говорится между прочимъ, — путеводи по заповѣдямъ Архипастыря и Владыки Спаса Христа, со всякимъ прилежаніемъ и тцаніемъ, не склоняя на десное или шуе, но путемъ среднимъ, иже именуется царскій путь: и проведи ю отъ тлѣнныхъ къ нетлѣннымъ, отъ земныхъ къ небеснымъ; якоже и Моисей, по еже взяти ему жезлъ отъ Господа Бога, проведе людъ израильскій изъ работы египетскія въ землю обѣщанную. Дадесе тебѣ жезлъ сей не для влательства мірскаго, еже гордетеса надъ порученными тебѣ, или и бити я безсловесно: но яко кормчій кормило вручися тебѣ, во правительство корабля духовнаго, плавающего по многобурно-волненномъ мори житія сего: жезлъ яко истинно пастырю и не яко наемнику... Паси благодатное тебѣ стадо, яко отецъ чадомъ равную любовь показуя“... (Чиновн.).

Тѣ же обязанности внушаются архипастыремъ іерею при его рукоположеніи. Хотя не вручается ему жезлъ лично самимъ владыкою, но отсюда еще не слѣдуетъ, что іерей безъ жезла должны быть. Самъ Христосъ Спаситель, посылая учениковъ Своихъ, не велѣлъ имъ брать съ собою, ни денегъ, ни хлѣба, ни одежды въ запасъ, а посохъ велѣлъ взять (Марк. 5, 8).

Принимая все это во вниманіе, нельзя не признать значенія пастырскаго жезла; значеніе это—немаловажное. Священника съ жезломъ узнають, гдѣ бы онъ ни былъ, отличаютъ его отъ діакона, отъ монаха послушника, и относятся къ нему съ подобающимъ увзженіемъ, а нѣкоторые добрые христіане пользуются встрѣчею со священникомъ, чтобы получить отъ него благословеніе именемъ Божиимъ. Во всякомъ случаѣ, священникъ съ своимъ знаменемъ пастырства *не теряетъ ничего, а приобрѣтаетъ не мало* въ пользу своего званія. Не даромъ раскольническіе попы предвосхищаютъ право законныхъ пастырей: они дерзновенно, попирая запрещеніе и законъ, часто одѣваются, какъ священники, и ходятъ съ священническимъ жезломъ. Для священника нельзя опредѣлить и времени и мѣста для выполненія пастырства: онъ всегда и вездѣ можетъ встрѣтить случай, который призываетъ его къ дѣлу; къ нему всегда, — и на пути и при посѣщеніи домовъ, — могутъ обращаться за благословеніемъ, за помощью, совѣтомъ, утѣшеніемъ и т. п. Слѣдовательно, священникъ въ своемъ приходѣ долженъ всегда быть въ своемъ видѣ, съ пастырскимъ жезломъ. Издревле священники такъ и смотрѣли на свой посохъ. Не очень давно (до семидесятихъ годовъ) и въ православной Россіи пастыри непремѣнно имѣли его и носили въ своемъ приходѣ при исполненіи требъ. Новопоставленные іереи, приготавливая себѣ ко дню рукоположенія священническую одежду, непремѣнно приобрѣтали и жезлъ пастырскій (посохъ, трость). Нынѣ же, къ сожалѣнію, не всегда можно встрѣтить священника съ жезломъ; многіе молодые совер-

шенно не имѣютъ его, считая эту пастырскую принадлежность какъ бы ненужною. Такое отношеніе къ посоху, если и не свидѣтельствуетъ объ упадкѣ въ настоящее время пастырской дѣятельности, во всякомъ случаѣ не можетъ быть признано желательнымъ: оно даетъ инымъ, особенно недоброжелателямъ православія, поводъ думать о православныхъ пастыряхъ не въ ихъ пользу. Оставляя свой жезлъ безъ вниманія, православный русскій священникъ въ самомъ дѣлѣ какъ бы уступаетъ его лжепастырямъ, и когда же? въ виду губительной ихъ дѣятельности когда онъ долженъ дорожить всѣми знаками своего священническаго достоинства.

„Воскр. День“).

Паломничество группы воспитанниковъ Самарской духовной семинаріи въ Соловецкій монастырь. Въ „Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ (№№ 17, 19—22) описывается чрезвычайно интересная поѣздка отъ Самары до Соловковъ группы воспитанниковъ самарской духовной семинаріи (21 человекъ). Мысль объ этой поѣздкѣ зародилась среди самыхъ участниковъ путешествія еще задолго до ея начала, причемъ свыше трехъ мѣсяцевъ ушло на переписку съ разными учрежденіями и лицами, предъ которыми можно было ходатайствовать о льготахъ во время переездовъ. Пароходныя общества сдѣлали скидку въ 50% съ ученическаго билета и въ виду этого рѣшено было почти весь путь сдѣлать водою—до Ярославля по Волгѣ и отъ Вологды до Архангельска по Двинѣ. Бюджетъ поѣздки былъ исчисленъ о. духовникомъ семинаріи, принявшимъ на себя завѣдываніе хозяйствомъ юныхъ путешественниковъ, въ тридцать пять рублей, при условіи содержать за пятьдесятъ копѣекъ въ день,—сумма сравнительно очень небольшая, но и она была вычислена такъ, что перерасходъ въ нѣсколько копѣекъ могъ уже вызывать затрудненія. Воспитанниковъ сопровождали о. ректоръ семинаріи прот. Н. И. Боголюбскій, преподаватель К. А. Казанскій и духовникъ о. А. К. Волковскій. Поѣздка продолжалась отъ 11 іюня по 6 іюля

прошлаго года. Во время остановокъ въ попутныхъ городахъ имъ было предложено самое радушное гостепрѣимство со стороны епархіальныхъ преосвященныхъ и начальниковъ духовно-учебныхъ заведеній. Нѣтъ нужды говорить о настроеніи путниковъ: оно было восторженно. Любознательность юныхъ головъ не давала имъ покоя, во время даже кратковременныхъ остановокъ парохода, они старались осмотрѣть все, что только было доступно имъ. При этомъ воспроизводились въ сознаніи историческія воспоминанія, соединившіяся съ каждою проходившею предъ ихъ глазами мѣстностью. При нѣкоторыхъ осмотрахъ имъ приходилось страшно торопиться, усталые и влажные они едва успѣвали добѣжать къ пароходу послѣ второго звонка, но это не только ослабляло, а даже улучшало живость и бойкость ихъ настроенія. Такъ были осмотрѣны Симбирскъ, Тетюши. Путники прибыли въ Казань. Здѣсь болѣе продолжительная остановка, радушное гостепрѣимство со стороны ректора академіи преосвященнаго епископа Антонія, а также и казанскаго архіепископа Арсенія. Въ стѣнахъ академіи они присутствовали на магистерскомъ диспутѣ. Интересно замѣчаніе о немъ автора описанія поѣздки—семинариста: «диспутъ длился два часа, скучный, для неспеціалистовъ малоинтересный». Во время переѣзда и перехода ихъ на загородную архіерейскую дачу, они попали подъ проливной дождь, отъ котораго не спасли ихъ ни зонтики, ни непромокаемыя накидки, но это все—не бѣда. До Казани ѣхали на „Владимірѣ Мономахѣ“. Теперь раскрылъ для нихъ свои двери „Фельдмаршалъ Суворовъ“. Наступилъ Петровъ постъ. „О. духовникъ созвалъ насъ, говоритъ авторъ, на семейный совѣтъ и объявилъ, что въ нашей пищѣ произойдетъ значительное сокращеніе: вмѣсто обѣда и ужина, мы будемъ получать только обѣдъ, а вмѣсто ужина будемъ пользоваться булкой. Дѣлать нечего: пятидесятикопѣечный бюджетъ въ день заставляетъ довольствоваться и этой порціей, да и паломническое настроеніе насъ располагаетъ къ тому же.

Согласились, а всетаки пожалѣли о пищѣ Антонія посвященнаго, въ покояхъ академическихъ, какъ нѣкогда Израиль въ пустынѣ — о мясахъ египетскихъ". Нерѣдко всё собирались въ кружокъ и дружными свѣжими голосами пѣли хоровыя пѣсни. И неудивительно, что вся публика первыхъ двухъ классовъ переходила въ третій и тѣснимъ кольцомъ окружала поющихъ. За Казанью слѣдоваль Нижній съ его красотами; радушіе о. ректора Нижегородской семинаріи совѣмъ очаровало путниковъ. Кострому осматривали раннимъ утромъ, долго не могли добудиться здѣсь церковнаго сторожа при соборѣ. Наконецъ, и Ярославъ, а за нимъ Вологда, этотъ переѣздъ былъ сдѣланъ по желѣзной дорогѣ. Послѣ подробнаго осмотра городовъ и радушныхъ встрѣчъ въ стѣнахъ семинарій—двинулись дальше—снова по желѣзной дорогѣ. Мѣстность сильно измѣнилась, унылая тундра интересовала не меньше прежнихъ видовъ, много неприятностей причиняли только своею назойливостью болотные комары. Съ ними пришлось серьезно считаться. Въ одномъ мѣстѣ, около самага подотна желѣзной дороги, на разстояніи не болѣе сажени, горѣлъ лѣсъ и торфяная почва. Еще издали всѣхъ обезпокойлъ дымъ и широко раздуваемое вѣтромъ пламя. Проѣхали благополучно. Изъ Архангельска — послѣ ночлега въ стѣнахъ семинаріи—на монастырскомъ пароходѣ двинулись въ Соловки. Свѣжая погода развила сильную волну и почти всѣ юные паломники томилась отъ приступовъ морской болѣзни. Наконецъ, достигли цѣли. Первый день не принесъ утѣшенія путникамъ, долго ожидали они возможности хоть куда-нибудь помѣститься и только поздно вечеромъ имъ была отведена каюта, очень тѣсная и неудобная комнатка, въ которой—прямо на полу—они и расположились на ночлегъ, причемъ о. о. ректору и духовнику не хватило мѣста и они всю ночь прободствовали. Дальше идутъ описанія впечатлѣній отъ тѣхъ картинъ, которыя увидѣли они въ стѣнахъ обители. „По сторонамъ аллеи въ палисадникѣ, ведущей въ соборъ, масса

бѣдоснѣжныхъ чаекъ, вторящихъ своимъ крикомъ голосу богомольцевъ. Онѣ постоянно на сторожѣ и охраняютъ своихъ щенцовъ, которые тутъ-же копошатся на виду у всѣхъ. Входимъ въ храмъ... Какая здѣсь смѣсь лицъ, нарѣчий, состояній. Отовсюду—со всей матушки-Руси—стекаются сюда паломники, движимою святою вѣрой и желаніемъ поклониться гробницѣ преподобныхъ. Для отважныхъ путниковъ не страшны даже опасности бурнаго моря. Съ нами въ одинъ день приплыли по морю на небольшой лодкѣ четырнадцать богомолокъ—за 146 верстъ! Велика сила вѣры, движущая этими людьми, которые толпятся здѣсь, ожидая духовнаго утѣшенія и успокоенія страждущему сердцу...“

Послѣ литургіи, отслуженной въ соборѣ, была назначена общая трапеза въ обширной монастырской столовой. Намѣстникъ сотворилъ обычный началъ, братія процѣла уставовденныя пѣснощнія и очередной послушникъ вошелъ на кафедру читать „житіе дневнаго святого“. Послѣ каждого кушанья раздавался ударъ колокола, при этомъ чтеніе прерывалось молитвеннымъ возгласомъ. Въ монастырѣ сохранился прекрасный символизирующій духовное общеніе обычай преломленія хлѣба:—настоятель, разломивъ хлѣбъ, передаетъ его другому, другой тоже разламываетъ на двѣ части и передаетъ третьему и т. д. На другой день паломники осмотрѣли всѣ достопримѣчательности монастыря и затѣмъ исполнили христіанскій долгъ исповѣди и св. причастія. Наступилъ моментъ отъѣзда. Радужно простился съ путниками настоятель обители, благословившій всѣхъ иконами, а затѣмъ они всѣ направились къ пристани, мысленно прощаясь съ славною обителью, оживившею ихъ внутреннюю жизнь. Въ моментъ отплытія парохода они дружно запѣли величаніе св. Зосимѣ и Савватію, пѣснь Пресвятой Богородицѣ и затѣмъ, такъ гармонировавшій съ настроеніемъ этихъ минутъ, канонъ Великой субботы „Волною морскою..“

Дѣйствительная морская волна убаюкивала парходъ и одушевленное пѣніе юныхъ голосовъ, подъ ропотъ этихъ волнъ, производило глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Шестнадцатичасовой переѣздъ перенесъ ихъ въ Архангельскъ, на этотъ разъ они во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣли городъ и вполнѣ отдохнули въ стѣнахъ семинаріи. Были приняты также преосвященнымъ архангельскимъ Іоанніемъ, который благословилъ всѣхъ святыми евангеліями. Въ обратный путь—до Московской Троице-Сергіевой лавры—по желѣзной дорогѣ. Въ стѣнахъ обители они пользовались гостепріимствомъ московской духовной академіи, съ глубокимъ вниманіемъ осматривали историческій монастырь, молились у раки преподобнаго Сергія. Москва произвела еще большее впечатлѣніе. Здѣсь оставались путники цѣлые три дня и вполнѣ могли ознакомиться съ сердцемъ Россіи. Отсюда въ Нижній, а затѣмъ и домой—въ Самару, безъ тѣни усталости, а скорѣе съ сожалѣніемъ, что эти дорогія минуты кончились и будутъ храниться только въ воспоминаніи. Нельзя не отнести съ полнымъ сочувствіемъ къ такимъ поѣздкамъ. Много чудныхъ и чистыхъ впечатлѣній даютъ онѣ нетронутымъ еще жизнью юношескимъ сердцамъ, впечатлѣній, которыя—какъ святыню—хранить будутъ ихъ чуткія души впоследствии, въ минуты жизненныхъ испытаній и горестей, быть можетъ, не одинъ вздохъ смягчится дорогимъ воспоминаніемъ о нихъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступило въ продажу изданіе П. П. СОЙКИНА.

Съ требов. обращ. СПБ., Стремянная, № 12.

КАРМАННАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

ДЛЯ ПРАВОСЛАВНАГО

въ 2-хъ
ЧАСТЯХЪ

ДУХОВЕНСТВА

свыше 400 страниц.

Часть I—календарная, съ чистыми листками почтовой бумаги для записи на каждый день, въ мягкомъ коленкоровомъ переплетѣ, съ карандашемъ и грифельною доскою.

Часть II—заключаетъ указанія, постановленія и разъясненія, касающіяся приходской практики священника.

Для удобства пользованія книжка снабжена алфавитнымъ указателемъ.

Цѣна за обѣ части I руб. съ пересылкою

~~Осталось~~ ~~небольшое~~ количество II-й части
**КАРМАННОЙ СПРАВОЧНОЙ КНИЖКИ ДЛЯ ПРАВОСЛАВНАГО
ДУХОВЕНСТВА**

за первые два года изданія (1898 и 1899 гг.).

Напечатанныя во II-й части узаконенія и распоряженія **НЕ ВХОДЯТЪ** въ „Справочную книжку на 1900 г.“, **ТАКЪ КАКЪ ЧАСТЬ II** „Справочной книжки на 1900 г.“ **НЕ ЕСТЬ ПЕРЕПЕЧАТКА** предыдущихъ изданій.

Цѣна II-й части **50** коп. за каждый годъ.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

ЗАСТРАХОВАНІЯ КАПИТАЛОВЪ и ДОХОДОВЪ

УЧР. ВЪ 1835 Г.

Старѣйшее и единственное учрежденное въ Россіи о-во, занимающееся исключительно и специально страхованіемъ жизни.

Капиталь общества болѣе 26,000,000 руб.

ТАРИФЫ И ЛЬГОТЫ ВНѢ КОНКУРЕНЦІИ

Участіе страхователей въ прибыляхъ и дѣлахъ общества.

Самыя льготныя условія при

ЛИКВИДАЦІИ СТРАХОВАНІЙ.

Страхованія принимаются на выгодныхъ условіяхъ, приспособленныхъ къ различнымъ цѣлямъ. Страхованіе приданнаго и капиталовъ для обезпеченія себя на старость на

ОСОБЕННО-ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ,

какихъ не имѣется ни въ одномъ изъ отечественныхъ или иностранныхъ обществъ.

НАРОДНОЕ СТРАХОВАНІЕ

со взносомъ платежей отъ 50 коп. въ мѣсяць.

Россійское общество путемъ погашенія акціонернаго капитала превращается во **Взаимное общество.**

Агентство въ Полтавѣ Александровская ул. д. Варшавскихъ.

Агентъ *И. Догманъ.*

Полтавское Общество Взаимнаго Кредита купцовъ,
 торгово-промышленниковъ и сельскихъ хозяевъ, Александров-
 ская ул., домъ Варшавскихъ.

Уплачивается:

по текущимъ счетамъ $3\frac{1}{2}\%$
 » вкладамъ:
 до востребованія . 4%
 на одинъ годъ . 5%
 » 2 года и болѣе . $5\frac{1}{2}\%$
 по вѣчнымъ . . 6%

Взимается:

по учету векселей . 9%
 » ссудамъ подь $\%$ бум. $7\frac{1}{2}\%$
 » спеціальн. счетамъ . 8%
 за хранен. цѣнностей $\frac{1}{2}\%$
 » коммисіонныя порученія . . $\frac{1}{4}\%$

Покупаетъ и продаетъ $\%$ бумаги; страхуетъ билеты отъ
 тиража погашенія.

Предсѣдатель *Д. М. Молдавскій.*

Члены Правленія: (*Г. М. Вобрицкій,*
Ф. А. Гороховъ.)

Бухгалтеръ *И. И. Ульямовъ.*

ИЗВѢЩЕНІЕ

отъ миссіонерскихъ курсовъ въ Казани.

По уставу миссіонерскихъ курсовъ на нихъ принимаются штатные слушатели (получившіе среднее образованіе) и вольнослушатели — по рекомендаціи Преосвященныхъ, если окажутся мѣста для нихъ въ классныхъ помѣщеніяхъ. Съ прошлаго года однако на курсы пожелали поступить столько лицъ, получившихъ среднее образованіе, что для вольныхъ слушателей рѣшительно нѣтъ мѣста, не только для проживанія внутри миссіонерскаго Спасскаго монастыря, но даже

и для помѣщенія ихъ въ классѣ въ время уроковъ, а потому и приема вольныхъ слушателей не будетъ. Что же касается до штатныхъ слушателей, то приемъ прошений (съ требуемыми документами) прекращается 15 августа а послѣдующія затѣмъ прошенія будутъ отклоняемы за установленіемъ штата вновь принятыхъ слушателей, — о чемъ и приводятся въ извѣстность заинтересованныя лица.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Христосъ воскресъ!—II. Евангеліе, читаемое на литургіи въ первый день св. Пасхи.—III. Въ ночь подъ свѣтлый день.—IV. Пробужденіе.—V. Четвертое чтеніе Полтавскаго отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества.—VI Извѣстія и замѣтки.—VII Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи } *В. Конопатовъ.*
 } *В. Терлецкій.*

Печ. съ разр. мѣстн. дух. цензуры, 10 апрѣля 1900 г.

Полтава, Типо-Литогр. Л. Фришберга.

